

ВЕЛИКОЛЕПНЫЕ ДЕТЕКТИВНЫЕ ИСТОРИИ

ДЕТЕКТИВНАЯ ЗИМА

Татьяна **УСТИНОВА**

Наталья **АЛЕКСАНДРОВА**

Людмила **МАРТОВА**

и другие :-)

Великолепные детективные истории

Наталья Александрова

Детективная зима

«ЭКСМО»

2023

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Александрова Н. Н.

Детективная зима / Н. Н. Александрова — «Эксмо»,
2023 — (Великолепные детективные истории)

ISBN 978-5-04-177134-8

Зима – самое уютное время года! Долгими снежными вечерами можно приятно провести время за чтением увлекательной книги. Сборник «Детективная зима» отлично подойдет, ведь в него вошли остросюжетные рассказы известных писателей – Татьяны Устиновой, Елены Логуновой, Людмилы Мартовой, Натальи Александровой, Марины Крамер, Наталии Антоновой и Александра Ружа. Они подарят вам тепло и яркие эмоции! Сборник детективных рассказов, написанных мастерами остросюжетной прозы, составлен для истинных ценителей жанра. Замечательные истории порадуют вас оригинальными сюжетами, очаруют описанием романтических сцен и захватывающих приключений и удивят неожиданной развязкой. Легкий слог, прекрасный стиль, море позитива доставят читателям ни с чем не сравнимое удовольствие! Сборник включает в себя ранее опубликованные рассказы.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-177134-8

© Александрова Н. Н., 2023
© Эксмо, 2023

Содержание

Александр Руж	6
Елена Логунова	24
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Детективная зима

Сборник

© Оформление. ООО «Издательство «ЭКСМО», 2023

* * *

Александр Руж Игра в американку

Зима 1846 года выдалась в Петербурге необычайно суровой. Нет, морозы стояли отнюдь не сибирские, но сильный ветер, постоянно дувший с моря, перенасыщал воздух сыростью, и от этого делалось особенно холодно. В последние декабрьские и первые январские дни непогода загнала столичный люд в дома и рестораны, число прохожих на улицах заметно поубавилось, зато извозчики стали куда более востребованными, чем обычно.

Инженер Алексей Петрович Максимов сидел напротив окна в одной из комнат квартиры, снятой им на Коломенской улице. На коленях у него лежали местные «Ведомости» с хроникой происшествий, где сообщалось о восьми бродягах, насмерть заледеневших за сутки на территории города. Но взгляд его был устремлен не на газету, а в оконный проем. Там пуржило, по мостовым громыхали коляски, продрогшие лошадки бежали шибкой рысью, не понукаемые возницами. Они хотели согреться, и быстрое движение оставалось для них единственным способом сохранить тепло.

Алексей Петрович, или по-домашнему Алекс, взял со столика объемистый бокал, сделал изрядный глоток горячего глинтвейна, который мастерски готовила служанка Вероника, и блаженно вздохнул. Созерцание снежной коловерти делало пребывание в надежно утепленных стенах, рядом с натопленным камином, еще более уютным. Мягкое кресло, клетчатый плед, любимая жена – и вам абсолютно все равно, какие природные катаклизмы разыгрываются за пределами комфортного семейного гнезда.

– Нелли... будь добра, плесни мне еще глинтвейну, – попросил Максимов, ленно потягиваясь и роняя «Ведомости» на паркетный пол.

Попросил бы Веронику, но та ушла на Ямской рынок за продуктами для обеда. Максимовы были достаточно молодыми и самостоятельными людьми и предпочитали обходиться почти без слуг. Вероника жила в их поместье в Псковской губернии, и это был ее дебютный выезд в Петербург. Можно сказать, сама напросилась: когда господа, справив в деревне Рождество, засобирались в столицу, куда Алекса звали неотложные дела, Вероника – незамужняя и крайне любопытная деваха – пала им в ноги и умолила взять с собой. Дескать, обрыдло в глухомани торчать, посередь лесов с медведями и волками, желаю хоть глазком на мир посмотреть, к культуре приобщиться. Максимов посчитал ее просьбу резонной, заодно рассудив, что Вероника в Питере возьмет на себя домашние хлопоты и избавит господ от повседневной рутины.

– Нелли! – повторил он, не получив ответа, и красноречиво шаркнул доньшком опустевшего бокала по столешнице.

– Сейчас... – рассеянно отозвалась супруга, сидевшая тут же, в комнате, у камина и шелестевшая старыми бумагами.

Нелли, она же Анита, она же Анна Сергеевна, урожденная сеньорита Моррьентес, а ныне госпожа Максимова, уже несколько лет жила в России. Ее здесь все устраивало, не привыкла она лишь к холодам. В деревенской усадьбе ее привела в восторг огромная русская печь с лежанкой, называемой *rolati*. В стылом Петербурге приходилось довольствоваться камином, да и дрова здесь были безобразно дороги. Впрочем, Максимов на отоплении не экономил, в квартире никто не зяб. И все же теплолюбивая Анита предпочитала держаться поближе к огню, тем более что он являл собою дополнительный свет – немаловажное обстоятельство в сумеречный зимний вечер.

Анита посчитала, что начало года – отличный повод разгрести архивы, которых она накопила немало с тех пор, как еще в ранней юности начала собирать все, что так или иначе вызывало у нее интерес. Сейчас перед ней на ковре внавалку лежали книги, блокноты с дневнико-

выми записями, перевязанные тесемками пачки пожелтевших писем, журнальные вырезки и прочее, и прочее. Она так увлеклась их сортировкой, что пропустила просьбу Алекса мимо ушей. К тому ж невелик барин – в состоянии сам дотопать до кухни.

Он подождал немного, понял, что обожаемая Нелли обслужить его не собирается, и с криканием выпростался из кресла. На его счастье, громыхнула входная дверь – это вернулась Вероника, нагруженная покупками. Ее полушубок заиндевел, а шерстяной платок, которым она укутала голову, покрылся колким инеем. Раскрасневшееся лицо было обветрено, а ресницы смерзлись стрелками. Выгрузив на кухне поросячью ногу, задубелый шмат сала и увязанный в тряпицу фунт соли, она скинула верхнюю одежду и принесла Максиму вожделенный глинтвейн. Хозяйева, очевидно, не умирали от голода, поэтому она не помчалась стремглав растапливать плиту, а воспользовалась паузой и, греясь у камина, принялась трещать о том, что видела и слышала на рынке.

Алекс и Анита привыкли к ее болтовне. Необразованную, мало что выдавшую в жизни холопку поражаало в стольном граде буквально все: от монументальной и вычурной архитектуры до изобилия товаров в лавках. Вероника отличалась наблюдательностью и нередко подмечала то, мимо чего другие проходили с равнодушием. Нынче днем ее внимание привлекла сценка, которую она охарактеризовала «и смех, и грех».

– Прихожу я на базар, – стрекотала она взახлеб, нисколько не беспокоясь, слушают ее или нет, – а там гвалт! Мужик растрепанный промеж прилавков бегаёт и валенками трясёт.

– Это как? – снисходительно уточнил Максимов, потягивая из бокала пахучее животворящее варево. – Ноги вскидывает, что ли?

– Да нет! Валенки он в руке держал. Махал ими во все стороны и орал, как блаженный: «Где этот чертов цыган? Я ему щас рыло набок сворочу и волосья повыдергаю!»

– Из-за чего же он так обиделся? – осведомилась Анита, не прерывая своего занятия.

Вероника, довольная тем, что от нее не отмахнулись, как чаще всего бывало, и не напомним о стряпне, пустилась рассказывать о происшествии с красочными подробностями.

С ее слов нарисовалась живописная картина. Мужик с валенками до того разъярился, что стал сметать в снег товары с лотков у всех продавцов, кто хоть немного походил ликом на цыгана. Поднялась буча, вызвали жандармов, они скрутили буяна. Думали, что пьян, но хмельным от него не пахло. На расспросы о причинах учиненного скандала он отвечал, что наемни утром на этом самом рынке какой-то проходимец продал ему пару валенок. С виду они были крепкими и ладными, торговец без устали расписывал их достоинства, уверял, что и теплы, и удобны, и сносу им не будет лет десять.

Легковерный покупатель принял все за чистую монету. Он тут же примерил обновку, она пришлась ему впору. Он заплатил за нее рубль серебром и в хорошем настроении ушел домой. Случился, однако, непредвиденный казус: не успел мужик дошагать до доходного дома, где остановился на неделю (приехал из новгородского села навестить родню), как почувствовал, что ступни промокли, а в валенках хлюпает. При детальном осмотре выяснилось, что хваленая обувь худа, как решето. Хитроумный торгаш взял негодные, сильно поношенные валенки, окунул их в воду и выставил на воздух. Мороз сковал их снаружи, скрепив расплзшийся войлок. Жулик счистил корку, оставив лед только в порах. Валенки смотрелись образцово, но лишь до первой носки. Когда их новый владелец прошел с версту, они нагрелись изнутри, ледяные спайки подтаяли и потекли. Вследствие естественного физического процесса в валенках образовались болотца, а сами они расплзлись еще пуше, чем было до заморозки. Дело в том, что лед, ввевшись в толстую оболочку, разрыхлил ее, раздвинул волокна, и когда он растаял, голенища, а с ними и остальные части, превратились в месиво.

С этими-то раскисшими, ни к чему уже не пригодными валенками обманутый мужик и прибежал на рынок искать обидчика. Да разве его сыщешь! Мошенник, предвидя подобный оборот, благоразумно ретировался.

Жандармы завелись с выяснением примет, стали опрашивать всех, кто его видел и запомнил, но Веронику, перестоявшую на стуже добрых полчаса, следственные действия уже не заботили. Она купила все, что ей было нужно, и ушла домой греться.

– Сколько еще дураков на свете! – резюмировал Максимов, позевывая.

История, поведенная служанкой, показалось ему чепуховой. Мелкий житейский анекдотец, ничего более.

Веронику услали-таки на кухню готовить обед. В ожидании трапезы Алекс подумывал о еще одной порции глнтвейна, как вдруг Анита промолвила:

– Вот тебе типично зимнее преступление.

– Что ты имеешь в виду? – не понял он.

– Я говорю, что такую аферу нельзя было повернуть в другое время года. Только зимой.

– Да? – Он призадумался. – Пожалуй, ты права. Но это единичный случай, к тому ж пустяковый. Вряд ли ты сумеешь привести примеры других сугубо зимних преступлений, причем по-настоящему серьезных.

– А что ты называешь по-настоящему серьезным преступлением? Убийство?

– Да... например. Уж тут-то никакой сезонности не бывает. Застрелить или зарезать человека можно в любое время года.

В глазах Аниты блеснул азарт, она отложила связку писем, которую перед тем просматривала.

– А если я приведу тебе не один пример, а целых три? И докажу, что бывают воистину серьезные проступки, которые невозможно совершить ни в какое иное время, кроме зимы?

Алекс обладал игроцкой жилкой, заставлявшей его иногда совершать маленькие глупости. Вдобавок он находился под расслабляющим воздействием глнтвейна, поэтому без раздумий принял вызов:

– Хорошо. На что спорим?

Анита ответила моментально:

– Если ты проиграешь... в чем я не сомневаюсь... то исполнишь любое мое желание. А какое именно – узнаешь позже.

– А если проиграешь ты?

– То же условие: ты загадываешь, я исполняю.

– У нас это называется «американка». Ставка вслепую.

– Так ты готов?

– Идет! Давай свои примеры. Но учти: они должны быть убедительными.

– Постараюсь... – Она ногой отпихнула груды бумаг и пересела поближе к Алексу. – Для наглядности представь себе: все, о чем я буду говорить, происходило с одной особой... чем-то похожей на меня, только помоложе. Если ты не против, назовем ее Анни.

– Анни? Хм... Что ж, пускай будет Анни.

– Итак, она волею обстоятельств однажды оказалась в Северной Италии, в предгорьях Альп. Там с нею и ее спутником... дадим ему имя Диего... произошел

первый загадочный случай.

Стояла зима – начало или середина декабря. Морозы были вполне терпимые, зато снег валил с завидным постоянством. Из-за этого многие горные дороги оказались перерезаны, и нашим героям пришлось, вопреки намеченным планам, задержаться в скромной маленькой гостинице, прилепившейся к склону.

Эта задержка не расстроила Анни. Вообрази себе девушку, выросшую под солнцем Испании и не видевшую снега. А тут – великолепные пейзажи! Белые мохнатые шапки на вершинах,

узоры инея на оконных стеклах, искристые россыпи во дворе... Все это впечатляло и завораживало.

В гостинице на тот момент проживали еще три постояльца: молодая пара из Венеции и один начинающий воздухоплаватель, который, желая произвести сенсацию, собирался перелететь через альпийскую цепь на своем водородном аэростате, но какая-то поломка вынудила его совершить экстренную посадку. Аэростат болтался на привязи неподалеку от гостиницы, а воздухоплаватель целый день возился в гондоле, починяя клапан или еще что-то. К вечеру он замерз и явился на ужин в общую столовую дрожащий и посиневший.

В столовой он застал всех своих соседей: Анни, Диего и венецианскую парочку. О последней надобно рассказать поподробнее. У меня нет охоты напрягаться и придумывать им итальянские имена, поэтому назовем их банально: Пигмалион и Галатея. Почему так? Да потому что молодой человек, происходивший из семьи стеклодувов, всерьез увлекался скульптурой. У него были умелые руки, он мог за считанные минуты вырезать изящный сувенир из дерева или вылепить из гипса премилую статуэтку, превратить бутылочный осколок в симпатичную брошь. Галатея, в свою очередь, была единственной дочерью зажиточного коммерсанта. Не обладая талантами, она, тем не менее, отличалась красотой, и Пигмалион, судя по его речам и взорам, обожал ее безумно.

Они поженились недели две тому назад и отправились в свадебное путешествие. Надо же было такому случиться, что воздухоплаватель, с которым судьба случайно свела их в альпийской гостинице, бросился к Галатее с криком: «Ты ли это? Не может быть!» – и пылко расцеловал ее в обе щеки. Такое проявление чувств очень не понравилось Пигмалиону, он затеял с нахалом ссору, которая, не исключено, привела бы к поединку на шпагах или пистолетах. Однако Диего вместе с владельцем гостиницы разняли драчунов, и смущенный аэронавт принес Пигмалиону свои извинения. Он, видишь ли, был другом детства Галатеи, но вот уже лет десять, как они не виделись. О ее замужестве он ничего не знал, потому и не сдержал эмоционального порыва.

Галатея подтвердила его слова, но Пигмалион, снедаемый ревностью, не успокоился. Он спросил у отельера, нет ли поблизости другого места, пригодного для ночлега. Ему не хотелось оставаться с воздухоплавателем под одним кровом. Отельер ответил, что примерно в миле к западу есть уединенный домишко, который тоже принадлежит ему и в данное время пустует. Если Пигмалион хочет, то может переселиться туда с Галатеей, в домике есть все необходимое: спальня, гостиная, кухня с печью и баком для подогрева воды, а провиант можно взять с собой.

Пигмалион, несмотря на возражения Галатеи, незамедлительно согласился, и парочка тем же вечером переселилась в новые апартаменты. Хозяин гостиницы предложил в качестве носильщика своего слугу, но Пигмалион отказался, заявив, что багаж невелик, и он без посторонней помощи довезет его на лошади. Молодоженов сопровождали Анни и Диего. Пигмалион проникся к ним доверием, всю дорогу с откровенностью истого итальянца восклицал, как он любит Галатею и как бесят его всякие наглецы, осмеливающиеся выказывать ей симпатию.

Домик в горах выглядел очаровательно – истинный рай для влюбленных. Чистенький, опрятный, окруженный ровной площадкой, которую с одной стороны замыкали горы, а с другой – лес. Вид из окон открывался умиротворяющий, и Пигмалион мало-помалу пришел к душевному равновесию. Он предложил Анни и Диего выпить по стакану вина, но они спешили возвратиться в гостиницу до того, как окончательно стемнеет, поэтому отклонили любезное предложение, пообещав навестить добровольных отшельников следующим утром. С тем и удалились.

Ночь прошла без происшествий и ознаменовалась очередным обильным снегопадом. Наутро, еще до завтрака, воздухоплаватель завершил ремонт аэростата и улетел. После вчерашней размолвки он, по всему виду, испытывал неловкость, считал, что доставил Галатее неудобства, и торопился продолжить путь, чтобы не стеснять влюбленных своим присутствием.

Хозяин гостиницы собирался известить Пигмалиона о том, что его соперник отбыл. Анни и Диего, как раз вознамерившиеся прогуляться, вызвались доставить эту весть по назначению. Они пустились по знакомой тропе. Идти было нелегко, они увязали в снегу по колени, зато какой же изумительно прекрасный ландшафт развернулся перед ними! У подножия гор землю как будто устлала мириады крошечных драгоценных камней. Они переливались, сияли на солнечном свете, и посреди этого великолепия возвышалось занесенное до карнизов обиталище счастливых возлюбленных.

Увы, идиллия разрушилась сразу же, как только наши герои переступили порог. Дверь почему-то оказалась незапертой, снаружи ее подпирал сугроб. Диего сначала постучал, но никто не откликнулся. Потом Анни показалось, что из домика донесся сдавленный стон. В Диего было двести тридцать фунтов весу, он разбежался и ударил в дверь плечом, как тараном. Она слетела с петель. Теперь стон слышался совершенно явственно. Наши персонажи прошли в спальню и застали ужасное зрелище: на постели, разметавшись, лежала Галатея с колотой раной в груди. Беглого взгляда оказалось достаточно, чтобы сделать вывод: помощь несчастной уже не требуется.

Но кто же стонал? Они перешли в столовую и увидели Пигмалиона, который скорчился на полу у стола, накрытого на двоих. Анни, имевшая обыкновение примечать любые мелочи, запечатлела в памяти легкий ужин в тарелках (ломтики сыра, отварная телятина и чуть-чуть фасоли). Еда была не тронута, а вот бутылка кьянти оказалась откупоренной, из одного бокала отпили примерно половину, а второй стоял наполненный до краев.

Пигмалион находился в сознании, но плохо соображал, что происходит. На расспросы отвечал, что вчера поздно вечером они с Галатеей сели ужинать. Он отпил из своего бокала вино, бутылку которого вместе со съестными припасами дал ему хозяин гостиницы, и тотчас его замутило. Галатея, не успевшая сделать ни глотка, побежала в спальню за желудочными пилюлями, хранившимися в багаже, но так и не воротилась. Пигмалион сполз со стула и лишился чувств. Что было дальше, он не знает. По видимости, он всю ночь пролежал в беспомощности и очнулся незадолго до прихода Анни и Диего.

Когда ему сообщили, что Галатея мертва, он впал в буйство, стал терзать свою пышную волнистую шевелюру и выкрикивать безадресные проклятия. Анни побежала в гостиницу за подмогой, а Диего остался с безутешным вдовцом, опасаясь, как бы тот не сошел с ума и что-нибудь с собой не сотворил.

Прибыл лейтенант корпуса карабинеров с двумя подчиненными и врачом. До их прихода ничего в домике не трогали. Врач установил, что Галатею закололи прямым ударом в сердце. Злодеяние произошло не позднее часу ночи. Это согласовывалось с показаниями Пигмалиона, утверждавшего, что ужин начался около половины первого. Орудием убийства послужил четырехгранный клинок. Немедля произвели обыск, но не обнаружили никакого инструмента, хотя бы отдаленно напоминавшего стилет или кинжал.

В оставшемся кьянти – как в бутылке, так и в бокалах – нашли солидную дозу отравляющего вещества. Пигмалиону повезло, что он выпил не так много, иначе, несомненно, отправился бы на тот свет. Но, рыдая над трупом Галатеи, он приговаривал, что лучше было бы умереть вместе с ней, поскольку жизнь потеряла для него смысл.

Хозяин гостиницы божился, что злополучное вино взято из его погребов, и он ручается, что оно не было отравлено. Подозрения против него почти сразу были отринуты, ибо он не имел ни малейшего повода желать смерти своим постояльцам, и тем более глупо так откровенно себя подставлять. Значит, заключил лейтенант, бутылку подменили. Но убийца этим не ограничился и незаметно проследовал за жертвами, желая убедиться, что коварный план сработал. Через окно он увидел, что Галатея избежала трагической участи. Он забрался в дом, зарезал ее, после чего заглянул в столовую, где Пигмалион неподвижно распростерся на полу, и, решив, что дело сделано, убрался вон.

Версия, надо отдать ей должное, не лишена логики, однако к ней сразу же появились претензии. Во-первых, Пигмалион точно помнил, что дверь в дом была заперта изнутри на засов, следовательно, открыть ее снаружи не представлялось возможным. Во-вторых, и это не менее существенно, снегопад прекратился еще до гибели Галатеи. Анни могла присягнуть: когда они с Диего подошли к домику, сугроб под дверью выглядел целехоньким. Ни единого изъяна не было и на снежном покрывале, простиравшемся вдоль стен. Это означало, что после убийства никто не входил в домик и не покидал его.

Естественно, подозрения пали на самого Пигмалиона. Его отчаяние по поводу гибели супруги и проливаемые слезы не могли послужить стопроцентным алиби. Но, как я уже сказала, обыск не принес результатов – карабинеры признали, что ему попросту нечем было совершить преступление. Сжечь клинок в камине нельзя, выточить его изо льда, а затем растопить – идея, годящаяся разве что для бульварных романов. Ты скажешь, что Пигмалион мог выбросить оружие из окна, и оно утонуло в пороше. Подобная мысль пришла к лейтенанту, и снег под окнами тщательно просеяли. Это ровным счетом ничего не дало, так что обвинения против мужа, в одночасье ставшего холостяком, отпали.

Здесь-то и всплыла фигура аэронавта. Припомнили его ссору с Пигмалионом и спешку, с какой он утром покинул гостиницу на своем воздушном шаре. Вот кто имел возможность проникнуть в дом, не потревожив девственных снеговых покровов! На втором этаже домика был балкон. При должной сноровке воздухоплаватель мог, снизившись, привязать к нему аэростат и войти в спальню через французское окно, которое было приоткрыто для проветривания. Что до вина, то бутылку он подменил во время ночлега в отеле.

Новую гипотезу сочли более разумной. Воздухоплателя объявили в розыск. Пигмалион твердил, что Галатея перед ужином призналась: этот субъект преследовал ее и угрожал расправой, если она предпочтет ему кого-либо другого. Конечно же, в гостинице он появился не случайно, а авария воздушного аппарата – лишь предлог, чтобы задержаться и воплотить задуманное.

Словом, не имея лучших предположений, стражи порядка начали охоту за бесследно исчезнувшим летуном. Анни не разделяла их рвения. В глаза бросались очевидные нестыковки. Даже будучи многоопытным аэронавтом, чрезвычайно сложно достигнуть на неуправляемом шаре маленького домика, да еще и ювелирно пристыковаться к балкону. И какой, скажите на милость, смысл сначала подсовывать отравленное вино, а после доканчивать дело кинжалом? Тогда можно было и вовсе обойтись без отравления. Воздухоплаватель был сложен атлетично и легко справился бы с худощавым скульптором...

Немного погодя в том же домишке, где в ходе обыска все перевернули вверх дном, Анни подобрала ступку и тяжелый пестик, показавшиеся ей странными. Ты спросишь, в чем странность? К поверхности пестика и доньшку ступки прилипли крохотные стеклянные крошки. Их было ничтожно мало, но Анни, обладая острым зрением, не упустила этого факта. В ее голове мелькнула догадка, подтвердить которую можно было только путем еще одной проверки.

Анни вышла из домика и посмотрела на перекопанный и просеянный снег вокруг него. Казалось бы, на что она рассчитывала после того, как здесь потрудились дошлые карабинеры? Но она знала, в чем их ошибка. Они искали цельный предмет или, на худой конец, обломки, а надо было – те же самые крошки, что обнаружались в ступке. Анни зачерпнула снег в нескольких местах под окнами и растопила его на огне в тазу. Снежная крупа растаяла, и на дне таза осела горстка толченого стекла.

Теперь все стало понятным. Анни поделилась своими соображениями с лейтенантом. По ее мнению, Пигмалион кропотливо готовился к убийству Галатеи: ждал подходящей погоды, заранее изготовил клинок из стекла (элементарная задача для потомственного мастера). Разумеется, он знал о существовании уединенного домика и рано или поздно нашел бы повод, чтобы переселиться туда с Галатеей, покинув гостиницу. Появление воздухоплателя стало

подарком судьбы. Оно позволило сбить карабинеров с толку. На самом же деле никто к домику не подлетал и не исполнял акробатических этюдов, перелезая через балконные перила. Пигмалион сам зарезал Галатею, а клинок вымыл, раздробил и растолок в ступке до мельчайшего крошева, которое затем рассеял из окна тонким слоем. Стекланные крупички смешались со свежесыпавшим снегом и ничем не отличались от него.

Что дальше? Он всыпал в бутылку яд, но сам пить вино не стал, выплеснул немного в камин. Дождался, когда утром придут приглашенные им гости, и изобразил муки отравленного человека. В том горном районе – и это он тоже знал! – не нашлось бы квалифицированных медиков, способных уличить его в симуляции. Так он превратил себя из убийцы в жертву и избавился от орудия преступления.

Как видишь, все просто. Но лейтенант, выслушав Анни, кисло улыбнулся. Он сказал, что это не более чем плод ее фантазии. Но если она и права, то как доказать вину преступника? Крупинки стекла в ступке и под окнами – не улики. Можно придумать сотню объяснений, почему они там оказались. Свидетелей убийства нет, значит, Пигмалион без усилий оправдается, особенно если прибегнет к услугам адвоката-профессионала.

Все же по настоянию Анни следователи занялись его личностью, и это стало для него губительным. Он, как оказалось, был уже трижды вдовцом, причем его предыдущие жены погибли при столь же туманных обстоятельствах. И заметь: все они были богаты. Пигмалион получал наследство, благополучно проматывал его на бегах и за ломберным столом, после чего менял фамилию и расставлял сети в ожидании следующей добычи в лице какой-нибудь молоденькой глупышки.

– Его посадили в тюрьму? – спросил Максимов.

– Нет. Он все проделывал так хитроумно, что... как говорят русские?.. прищучить его не удалось. Но, как многие великие комбинаторы, он прокололся на мелочи – играл однажды в покер, а соперник заподозрил его в шулерстве, вызвал на дуэль и хладнокровно прикончил выстрелом в лоб. Ходили слухи, что то была месть брата одной из погубленных им девушек.

– Это все?

Анита кивнула. Алекс поудобнее расположился в кресле, взболтал остатки глинтвейна в бокале.

– Спорить не буду: зима и, в частности, снег сыграли в твоей истории решающую роль, без них было не обойтись. Но что-нибудь еще в таком же духе ты вряд ли придумаешь.

– Я уже придумала, – с невозмутимостью произнесла она. – Желаете послушать?

– Конечно! Мы же с тобой поспорили. Примеров должно быть три, а ты пока привела всего один.

– Наберись терпения. И представь, что наши Анни и Диего переместились из Италии в... ну, пускай в Швецию. Где с ними приключился

второй загадочный случай.

Ты не поверишь, но мороз тогда был такой, что птицы околевали на лету. Ах, да... ты же русский, для тебя это неудивительно. А вот Анни впервые попала в столь адские условия. Она куталась в шубу, терла варежками щеки, и все равно ей было чертовски холодно.

Случилось так, что они с Диего должны были съездить по поручению одного знакомого в северный район Швеции. Я забыла упомянуть, что наши герои путешествовали по Старому Свету не от хорошей жизни. Они бежали из своей страны, где воцарился хаос, и искали какое-нибудь прибежище, чтобы переждать там лихие времена. С деньгами у них было туго, и если бы не многочисленные приятели Диего, который в ранней молодости служил дипломатом, они бы пополнили ряды каких-нибудь отверженных клошаров. Приятели если и не давали в долг,

то, по крайней мере, снабжали рекомендациями, помогавшими найти приют. За это иногда приходилось выполнять некоторые их просьбы.

В том феврале, когда хороший хозяин собаку бы не выгнал из дома, Анни и Диего поехали на север, чтобы передать письмо от стокгольмского мецената... неважно, кому. Эти нюансы для нас не имеют значения.

Они ехали на оленьей упряжке, попали в буран. Сани перевернулись, погонщик – или как он там зовется у скандинавов? – погиб, олени, вырвавшись из построшков, разбежались. И все это произошло в чистом поле.

Ни Диего, ни Анни не знали местности, в которой очутились. Они пошли наугад, на свое счастье, добрались до деревушки с горсткой лачуг и постучались в первую попавшуюся. Им открыл сердитый человечек – низенький, с красной лысиной, в круглых очках, делавших его похожим на профессора. Как позже разъяснилось, он и вправду был профессором, а наши герои оторвали его от важного химического опыта.

Профессор поначалу не выказал желания впускать странников в дом, но Анни со свойственным ей обаянием сумела его переубедить. Он проникся сочувствием к заблудившимся чужестранцам и разрешил им остаться, пока не утихнет выюга. Он даже накормил их обедом – вареной картошкой и похлебкой из рыбы.

Когда они ели и отогревались у жаркой печи, пожаловал еще один гость. Его звали Гастон, он прибыл из Гетеборга, но принадлежал к бельгийской нации и с профессором общался на языке галлов. Анни владела им в совершенстве. Из реплик, которыми обменивались эти двое, она поняла, что они дружны с юности, вместе обучались в Сорбонне, и, хотя живут нынче в разных странах, дружба не прекращается, чему способствуют взаимные визиты и активная переписка.

Гастон оказался угрюмым и малоречивым. Возможно, его стесняло присутствие чужаков, при которых он не хотел откровенничать. Следует сказать, что профессор был тем еще оригиналом. Он обмолвился, что совершил несколько эпохальных открытий и мог бы жить в хоромах, однако предпочитает им глухомань и эту утлую хибару, потому что здесь никто не мешает ему заниматься научными изысканиями. Тишина и уединение – вот все, что ему нужно.

Сразу после обеда пришел местный житель и принес вязанку дров. Он был единственным, с кем профессор поддерживал контакт в деревне, и то лишь по необходимости, так как нуждался в топливе и продовольствии. Крестьянин в лохматой шапке свалил дрова возле печи, получил деньги за услугу и как бы невзначай обронил фразу на шведском, приведшую профессора в бешенство. Тот обругал аборигена и выставил за порог. Анни спросила, чем вызвана такая немилость, на что профессор пробурчал:

«Этот невежда говорит, будто минувшей ночью в деревне опять видели следы Черного Свена».

«Черный Свен? – заинтересовалась Анни. – Кто это?»

Профессор с неохотой пересказал ей и Диего старинную легенду, бытовавшую в этих краях лет двести. Отсталое и необразованное население верит в существование охотника-невидимки по прозвищу Черный Свен. Когда-то он был обычным человеком, которого подло погубил давний друг и сбежал с его невестой. С той поры Черный Свен бродит по окрестностям и отстреливает людей по своему выбору. Он заключил сделку с дьяволом, получив от него в дар невидимость и неуязвимость. Каждый год в селениях, расположенных в округе, кто-нибудь да пропадает, и это списывают на Черного Свена. Он подкрадывается незаметно, стреляет из незримого ружья незримыми пулями. Выдать его могут только следы несоразмерно огромных сапог, появляющиеся ниоткуда и ведущие в никуда.

«Но вы в эти сказки не верите?» – усмехнулся материалист Диего.

«Конечно, нет, – недовольно молвил профессор. – Темный народ, сплошные предрассудки... Что до пропадающих зверобоев и рыболовов, то в этом нет ничего сверхъестествен-

ного. Рыбаки проваливаются под лед, тонут, а добытки дичи попадают в волчьи и медвежьи пасти. При чем здесь призрак-невидимка?»

Анни тоже не поверила в байку о привидении, но атмосфера в доме, за окнами которого уже стусился вечерний сумрак, показала ей пропитанной злом.

«А вы? – обратилась она к молчавшему Гастону. – Что вы думаете о здешних суевериях?»

«Нелепый вопрос, сударыня, – огрызнулся он. – Профессор переехал сюда всего полгода назад. Я впервые навещаю его здесь, поэтому не считаю себя вправе судить о происходящем».

Больше он не прибавил ни слова.

Метель до ночи так и не прекратилась, и профессор разрешил Анни с Диего пробыть у него в гостях до утра. Он подобрел, заговорил с ними дружелюбно. Анни померещилось, что он, хоть и выражает расположенность к Гастону, не желает оставаться с ним один на один под покровом тьмы.

Внутреннее пространство дома состояло из двух комнаток. Профессор отличался аскетизмом и довольствовался минимумом мебели: двумя односпальными кроватями, столом и четырьмя стульями, не считая шкафчиков и этажерок, заставленных книгами, химической посудой и мудреными приборами.

Анни и Диего хозяин предложил отдельную комнату, тесную, зато теплую, что в шведский зимний сезон, согласись, немаловажно. Сам профессор со своим приятелем расположились на соломенных тюфяках в другой комнате, смежной с подобием сеней или, говоря по-европейски, прихожей. За ужином обнаружилась нехватка свечей. В распоряжении обитателей домика остался единственный огарок, которого должно было хватить не более чем на полчаса. Профессор наскоро оделся и отправился к своему снабженцу-крестьянину, жившему по соседству.

Отсутствовал он недолго, а когда вбежал в дом, на лице его, обрамленном седой бородой, ясно читалась растерянность.

«Что с вами? – удивился Гастон. – Вы словно фантом увидели».

Профессор молча повел всех во двор и показал на исполинские следы, отпечатавшиеся на свежем снегу. Белая пелена быстро затягивала их, но Анни и остальные успели рассмотреть отпечатки гигантских сапог, которые пришлось бы в пору разве что великану вышиной в десять-двенадцать футов.

«Таких громадных людей не бывает, – уверенно заявил Диего. – По-моему, это чья-то глупая шутка».

С ним согласились и Анни, и Гастон, и профессор, но было заметно, что последний при всем своем неверии в потусторонние силы испытывает некоторую оторопь.

Как бы там ни было, сошлись на том, что следы – безделица, и не надо придавать им значения. С этой мыслью, озвученной Гастоном, пожелали друг другу спокойной ночи и разошлись по комнатам.

Анни не спалось. Она прислушивалась к звукам, доносившимся из-за стены. Профессор и Гастон о чем-то переговаривались, но делали это шепотом, и она не разобрала ни слова. Однако она готова была поклясться, что это не просто беседа, а острый, если не сказать, ожесточенный, спор. Через час или полтора он затих, какое-то время в доме властвовало безмолвие, затем до слуха Анни вновь долетел шепот. Говорил профессор, Гастон что-то ему отвечал. Скрипнула дверь, и опять все затихло, лишь слышался вой метелицы, ярившейся за бревенчатые стены.

А дальше произошло вот что. В дверь комнаты тревожно постучали. Диего, спавший на полу, подскочил и приоткрыл ее. За нею стоял профессор с зажженной свечой в руке. Он в ужасе проговорил:

«Идемте, идемте! Гастон!..»

Накинув шубы, Анни и Диего выскочили вслед за ним во двор. Свечу сию же секунду задуло неистовым ветром, но Анни разглядела недвижимое тело, лежавшее возле крыльца. Профессор, давясь ледяным воздухом, в двух фразах пояснил, что посреди ночи их с Гастоном разбудил какой-то шум – точно снег хрустел под ногами грузного человека. Гастон вызвался посмотреть, что там такое, и, вооружившись старым ружьем, имевшимся у профессора, вышел на улицу. Он отсутствовал минут десять, профессор забеспокоился, выглянул сам и...

«Передо мной было вот это, – он показал дрожащей рукой на тело у крыльца, – и я позвал вас».

Диего спустился по ступенькам, поднял страшную находку и перенес ее в дом. Здесь профессор зажег еще две свечи, и они ярко осветили бледное лицо Гастона – каменное, застывшее, уже начавшее покрываться изморозью.

«Что с ним? – воскликнул профессор и подкинул дров в печку, где еще искрились не догоревшие с вечера угли. – Он жив?»

«Вряд ли. – Анни превозмогла оробелость и сдернула с Гастона шапку, отчего его голова деревянно стукнулась о половицу. – Видите? У него висок прострелен».

Действительно, в черепе Гастона, рядом с левым ухом, чернело отверстие диаметром с монету. Кровь не вытекала оттуда, но в этом не было ничего необыкновенного, если учесть, что труп еще не отошел от действия арктического мороза.

«Он убит? – Профессор выпучил глаза. – Но как?! Я не слышал, чтобы кто-то стрелял!»

Анни призналась, что и она не слышала ни щелчка, ни треска, хотя завывания метели не могли заглушить выстрел.

Мертвый Гастон сжимал в ладони старенькое ружье. Диего не без труда высвободил приклад из оцепеневших пальцев и определил, что из этого оружия не стреляли, по меньшей мере, месяца два или три. А еще он сказал, что, когда переносил мертвеца в дом, на снегу у стены виднелись свежие следы неведомого титана.

«Я не верю ни в каких Черных Свенов! – вскричал профессор. – Его убил человек. Но каким образом он это сделал?»

В деревеньке жил лекарь-самоучка. Его выдернули из постели еще до наступления рассвета. В профессорском доме он осмотрел уже оттаявшего покойника, поковырялся в ране заостренными щипцами, потом какой-то штуковиной, напоминавшей штопор, и вынес вердикт: пули в раневом канале нет. Кроме того, на коже Гастона не отыскалось частиц пороха, при том, что, судя по величине отверстия, стрелять должны были практически в упор.

«Итак, что мы имеем? – подытожила Анни. – Его застрелили невидимой пулей из бесшумного ружья и без применения пороха».

«Чертовщина, да и только! – развел руками Диего. – Убийцу, надо полагать, тоже никто не видел?»

Он был прав. Но кому бы в захолустном селении пришлось в голову наблюдать за домом профессора, да еще и в такую скверную погоду, когда в двух шагах ничего не разглядишь?

Власть в деревне была весьма условной – правление осуществлял... не знаю, как он правильно называется, пусть будет старейшина. От своих односельчан он отличался тем, что умел считать до ста и ставить подпись. Этот достойный муж, проведая об убийстве, очень испугался и приказал доставить Гастона в ближайший городишко с совершенно непроизносимым названием. Там квартировал судебный пристав, который мог произвести расследование.

Труп увезли, но покой не восстановился. Деревня колобродила, обсуждая происшедшее. Легко догадаться: в мозгах непросвещенных людей зрела одна и та же мысль: чужеземца убил Черный Свен. Что он имел против Гастона, никто не мог взять в толк, но этим вопросом и не задавались, ведь призраки руководствуются собственной логикой, которую простым смертным не постичь.

Старейшина был чуть ли не единственным из местных, кто не верил в происки лукавого. Или верил, но стыдился поддерживать досужие вымыслы, считая, что это не сообразуется с его высокой должностью. Поэтому он своей волей определил круг из трех подозреваемых, в который вошли Анни, Диего и профессор.

Согласись, он рассуждал здраво. Следы Черного Свена еще не были замечены полностью, когда прибежали соседи, которые оказались охотниками и неплохими следопытами, но никто из них не сумел определить, откуда пришел колосс, оставивший эти отпечатки. Следы начались у крыльца, огибали его и обрывались под стеной, будто бы великан спустился с неба, потоптался и снова вознесся под облака. Не отыскалось никаких признаков того, что к избушке подходил кто-то еще. Поэтому к профессору и его гостям приставили двух здоровенных мужиков, каковым вменили в обязанность никого не выпускать из дома вплоть до приезда пристава.

Профессор воспринял вынужденное затворничество стоически. Смерть Гастона, похоже, серьезно повлияла на него, он замкнулся в себе, впал в апатию и часами возился со своими приборами, что-то разбирал, собирал, ронял на пол винтики, смешивал смрадные реактивы, которые шипели и наполняли комнату разноцветным дымом.

Диего ходил из угла в угол, как зверь, запертый в клетке. Он выражал возмущение по поводу противозаконных действий старейшины и взывал к его разуму, упирая на то, что не был знаком с Гастоном вплоть до приезда в деревню. То же касалось и Анни. Старейшина, однако, уперся, как баран, и твердил, что выполняет свой долг и что следствие разберется, кто прав, а кто виноват.

Затворничество длилось недолго. Подгадав момент, когда стражи убрались в переднюю, Анни подошла к профессору и показала ему лист бумаги – письмо, написанное по-французски. Профессор побледнел, как известка, попятился и залепетал:

«Откуда оно у вас? Я же его...»

«Да, – молвила Анни, – я заметила, как вы бросили его в печь, когда разжигали огонь после того, как втащили в дом бедного убитого Гастона. Мне подумалось: зачем вам в такую минуту заниматься уничтожением бумаг? И еще показались странными деревяшки, которые вы бросили в топку. Они не походили на поленья. Это были дощечки, правда? Не с их ли помощью вы оставляли на снегу следы Черного Свена? Проще всего это было сделать, стоя на крыльце и держа их в руках».

«Вы ничего не докажете», – просипел профессор и потянулся к большой колбе, в которой что-то пузырилось.

Диего, присутствовавший при этой сцене, вовремя схватил его за локти. Анни поднесла к глазам профессора листок с французским текстом.

«Это письмо, – сказала она, – написал вам Гастон. В нем он обвиняет вас в том, что вы, воспользовавшись его доверием, украли ценное открытие. Он тоже занимался химией и, насколько позволяют мне судить мои скромные познания, был талантливее вас. Он сохранил у себя копию письма, причем пропитал ее особой смесью, и бумага стала несгораемой. Не берусь судить, но, кажется, для подобных опытов используется оксид глины. Как видим, предусмотрительность Гастона оказалась нелишней: вы обыскали труп, нашли письмо и бросили его в печь, уверенный, что оно сгорит. Но вы прогадали, и я получила в свое распоряжение важную улику».

«Допустим... – Профессор взял себя в руки и заговорил с показной насмешливостью. – Но кто подтвердит, что обвинения, которые он выдвигает против меня, не являются огульной клеветой? И зачем бы я стал принимать у себя человека, с которым у меня конфликт?»

«Он вынудил вас принять его. В постскриптуме сказано: я приеду к вам, добьюсь, чтобы вы написали открытое обращение и признали, что вы мошенник. Тогда-то вы, понимая, что он от своего не отступится, задумали убийство. Вы намеревались убрать Гастона тихо, но появились мы с Диего. Сперва вам это не понравилось, и вы хотели нас прогнать, но потом подумали,

что присутствие свидетелей – к лучшему. Когда все случится, они займут вашу сторону. Так бы все и вышло, если бы не это письмо в печке...»

«Но как он, черт возьми, исхитрился убить Гастона без пороха и пули?» – спросил Диего с изумлением.

На это у Анни тоже был готов ответ:

«Я читала, что проект оружия, которое стреляло бы без применения пороха, разработал еще Леонардо да Винчи. А двести лет назад оружейник из Нюрнберга Гуттэр сконструировал пневматическое ружье, которое до недавнего времени стояло на вооружении у австрийских пограничных служб. Оно бьет недалеко, зато не грохочет, не дымит... в общем, обладает рядом достоинств, которые и пригодились нашему профессору. Он полагал, что мы дилетанты в вопросах техники, и после убийства потихоньку разбирал его, разбрасывая винтики и гайки, а наиболее существенные детали растворяя в кислоте. Надеялся, что к приезду судебного пристава из города от ружья уже ничего не останется, но справился с работой лишь наполовину. Вон там, в тряпье, лежит часть спускового механизма».

«А пуля? Почему ее не обнаружили в ране? Он что, сделал ее из льда?»

«Ты почти угадал. Правда, лед слишком хрупок, однако низкая температура за окном позволила профессору воспользоваться более прочным материалом».

«Каким же?»

«Полагаю, ртутью. Она имелась в его химических закромах. Он изготовил форму, залил в нее жидкую ртуть и выставил на улицу. Мороз был настолько сильный, что ртуть замерзла. Он вложил получившуюся пулю в духовое ружье, ночью выманил бедного Гастона из дома и выстрелил ему в висок¹. После этого припрятал ружье, наштамповал на снегу цепочку следов и позвал нас. Когда труп внесли в комнату, ртуть растаяла и вместе с кровью вытекла из раны. Так совершилось это необыкновенное преступление. Я права?»

Вопрос был обращен к профессору, который вжался в угол и посерел, как мешковина.

«Вы не понимаете... – не выговаривал, а скорее, выдыхал он, подобно астматику. – Я завоевал положение в научном мире... со мной считались... я достиг успеха, о котором мечтал... а Гастон мог погубить меня, если б поднял шумиху. Это из-за него я уехал из Стокгольма, думал, он меня не найдет... Но он проявил упорство и догадливость... Что мне было делать?»

Последние слова он патетически выкрикнул и внезапно дернул вентиль пузатого баллона, стоявшего у его ног. Из медного раструба повалил желтый дым, который мгновенно заполнил комнату. Анни и Диего потеряли профессора из виду, а он, воспользовавшись моментом, добежал до двери и выскочил наружу. Диего пробовал догнать его, но в темноте и снежной завирти никого не нашел.

– И чем все закончилось? – спросил Максимов, когда Анита умолкла. – Этот фрукт сбежал?

– Да... но недалеко. На него через день наткнулись жители деревни, когда пошли в лес за дровами. Вероятнее всего, от быстрого бега и волнения у него отказало сердце, он упал и замерз.

– Поделом, – констатировал Алекс тоном третейского судьи.

– Может быть... Как тебе моя вторая история?

Он пожевал губами и посмотрел на бокал, где уже не было глинтвейна. Анита ждала, что он позовет Веронику и попросит добавки, но Алекс отставил бокал подальше и, откинувшись в кресле, сцепил пальцы рук на животе.

---

¹ Процесс изготовления и использования ртутной пули описан, в частности, в романе Жюль Верна «Путешествие и приключения капитана Гаттераса». (Прим. авт.)

– Я на грани поражения, но справедливость требует признать, что ты выиграла и этот раунд. Чтобы ртуть перешла из жидкого состояния в твердое, требуется очень сильный мороз... Так и быть, я засчитываю тебе второй балл. Но предупреждаю: к третьей истории я отнесусь придирчивее, чем к первым двум.

– На здоровье. Я могу приступить?

– Будь добра.

– Спасибо. – Анита устремила взгляд к потолку, глаза ее затуманились. – Перенесемся теперь из Западной Европы в столицу России, куда наша героиня прибыла уже без своего провожатого.

– Что же с ним стряслось?

– Он умер. Скоротечная болезнь...

– Я так и думал, – бормотнул Максимов вполголоса и добавил громче: – Продолжай, пожалуйста.

– Да... – Анита стряхнула с себя меланхоличность. – Устав от странствий, Анни приехала к своей дальней родственнице. И там произошел

третий загадочный случай.

Родственница Анни (назовем ее графиней В.) имела довольно смутное представление об Испании. Ее предки переехали в Россию еще при императоре Петре и поступили на царскую службу. За сто с лишним лет три поколения семьи сделали блестящую карьеру и нажили состояние. Графине принадлежали обширные угодья в Гатчине и дом в Петербурге. Правда, графиня была неважной хозяйкой, и после безвременной кончины ее супруга владения обветшали, а финансовые дела шли ни шатко ни валко. Тем не менее накопленный за десятилетия авторитет в светском обществе поддерживал род на плаву. Графине везде оказывали почтение и при необходимости давали в долг.

К приезду Анни она вдовствовала уже двенадцать лет. Ее ближайшее окружение составляли двое родных детей – старшая дочь Лизонька, девица на выданье, и младший сын Платон, четырнадцатилетний оболтус, – а также семнадцатилетняя падчерица Летиция. О последней стоит рассказать особо. Ее мать была давней подругой графини, та познакомилась с ней в Италии, на водах, куда во времена, когда обладала достаточными средствами, ездила лечить расшатанные нервы. Графиня умела производить на окружающих впечатление женщины основательной и благонадежной. Вот и мать Летиции прониклась к ней доверием, они обменялись адресами и завели переписку. А семь лет спустя Летиция, тогда еще ребенок, прибыла в Петербург с известием, что ее матушка умерла от скоротечной чахотки. Графиня, смахивая слезы, прочла прощальное письмо подруги, которая просила взять Летицию на воспитание. Вместе с девушкой графине отписывалось немаленькое наследство и просьба: распорядиться им умно и передать Летиции, когда ей исполнится восемнадцать. Письмо было заверено в ратуше и имело статус завещания.

С той поры Летиция жила у графини на правах приемной дочери. Анни как-то сразу сдружилась с ней, они мило щебетали, гуляя по заснеженным дорожкам гатчинской усадьбы. Летиция с живостью расспрашивала Анни о том, что сейчас происходит в Европе, но о себе рассказывала мало. Анни чувствовала, что эту прелестную и неглупую барышню что-то тяготит.

Покуда Анни силилась проникнуть в секреты новой знакомой, настали зимние праздники. Рождество, Святки, Новый год, Крещение – все слилось в пеструю круговерть. Графиня отчасти следовала католическим традициям, унаследованным от пращуров, но не чуралась и исконно русских, сопутствовавших ей с самого рождения. Для Анни многое из увиденного было неожиданным и непривычным.

Взять, к примеру, святочные гадания. Тихим вечером семья в полном составе вышла к воротам особняка, и дочь графини Лизонька, сняв с ноги сапожок, высоко подбросила его к мерцающим звездам. Он по дуге перелетел через ограду. Лизонька, а с ней и остальные, бросились за ворота. Сапожок лежал на дороге носком в сторону Петербурга.

Лизонька ликующе завизжала, а Анни тактично поинтересовалась, чем вызван этот восторг. Ей растолковали, что, согласно русским поверьям, сапожок указывает направление, откуда должен появиться тот, кто станет Лизонькиным мужем.

Забавно, но вскоре зазвенел колокольчик, и к воротам подъехала кибитка. Из нее вышли два молодых человека. Их представили Анни как доктора Р. и полицмейстера С. Доктор был другом семьи и прибыл погостить на несколько дней. А полицмейстера он взял с собой с позволения графини в качестве товарища. От Анни не укрылось, что Лизонька одаривает симпатичного доктора недвусмысленными взглядами. Несложно было догадаться, что она-то и упростила графиню пригласить его в гости. Но доктор больше заглядывался на Летицию, которая при этом пунцовела и опускала длинные пушистые ресницы.

Я упустила один эпизод. Еще до приезда молодых людей Летиция тоже перебрала свой сапожок через ворота. Первым к нему подбежал юный Платон и ткнул пальцем вбок.

«Туда! Он показывает туда!»

Личико Летиции покрылось смертельной бледностью. Платон поднял сапожок и протянул ей. Она машинально обулась, причем губы ее исказились в болезненной гримасе.

«Что такое? – спросила у нее Анни. – Вам дурно?»

«Нет... – еле слышно прошепстала Летиция. – Просто там... там, куда показал сапожок, находится кладбище».

Непредвиденный исход гадания смутил присутствовавших, но приезд доктора и полицмейстера разрядил обстановку. Нехорошее предзнаменование было забыто, снова пошла черед танцев, игр и прочих развлечений.

В первый день наступившего года члены семьи и гости нашли у изголовий своих кроватей обклеенные цветной бумагой коробочки с подарками. Графиня, хоть и была стеснена в деньгах, не собиралась отступить от обычаев и для каждого приготовила сюрприз.

Анни досталось великолепное золотое колечко с бирюзовым камушком, снабженное записочкой с предсказанием долгих счастливых лет жизни. Она душевно поблагодарила графиню и направилась к Летиции, но та сама вышла из своей спальни, дрожащая и напуганная. В руках она держала коробочку. Анни заглянула туда и увидела лежащую на черном траурном бархате подушечку в виде сердечка, из которого торчали острые иглы.

«Что это? – подивилась графиня. – Откуда?»

Летиция протянула ей коробочку.

«Это стояло на моем прикроватном столике. И еще... смотрите...»

Она вынула сердечко из коробки, уколотившись об один из шипов, айкнула от боли, и на ее пальчике выступила капля крови.

«Дитя мое, ты поранилась?» – Графиня участливо потянулась к ней, но Летиция, пренебрегая царапиной, вынула со дна коробочки записку и подала ее Анни.

«Читайте!»

Записка была написана по-французски, на традиционном языке русских аристократов, печатными буквами, не позволявшими идентифицировать почерк.

«Уезжай из этого дома, иначе тебя ждет смерть», – вслух прочла Анни, и в ее груди шелохнулся страх.

Летиция уронила на пол оцетинившееся сердечко и вопросительно посмотрела на графиню.

«Я впервые вижу эту гадость! – вскричала та, побагровев. – Понятия не имею, кто ее подложил!»

«А что там должно быть?» – любопытствовала Анни.

«Брошка с изумрудом. Я купила ее для Летиции, хотела сделать приятное... А в записке пожелала встретить мужчину ее мечты».

Ремарка заставила Летицию порозоветь.

Графиня высказала предположение, что это глупейший розыгрыш кого-то из недовольных слуг. Она попросила Анни никому не говорить о нем, пообещав отыскать и примерно наказать шутника.

События, между тем, развивались стремительно. На улице запуржило, дом оказался в метельной осаде: любого, кто осмеливался высунуться за дверь, тотчас облепляли белые хлопья, они летели в глаза, забивали нос. Такого разгула стихии Анни не видела даже в Швеции. Дворник графини раз в час выходил из своей каморки, закутанный в тулуп, в нахлобученном треухе, и большой лопатой разгребал наносы, иначе особняк был бы за ночь завален до самой крыши.

Но внутри было тепло и светло, горели свечи в канделябрах, их отблески сверкали на хрустальных фужерах. Все семейство и гости сели ужинать. Были поданы восхитительные яства, которые поглощались под игристое вино из Шампани, а венчал трапезу бисквитный торт с цветочным орнаментом. Анни подметила, что каждому едоку был выдан кусочек с определенным фрагментом узора – очевидно, отдавалась дань какой-то традиции, о которой она не имела представления. И еще от нее не ускользнуло, что красавчик-доктор млеет, взглядывая на сидящую напротив Летицию, и всеми силами старается угодить ей, подавая в опережение прислуги то ломтик ветчины, то тарелку с рыбным заливным.

Летиция ела без аппетита, низко опустив голову, и отвечала невпопад, если к ней обращались с каким-либо вопросом. А когда ей поднесли порцию торта, она откусила чуть-чуть, громко охнула и, сорвавшись с места, выбежала из залы.

За столом возник ропот, никто не мог подобрать объяснения тому, что с ней случилось. Графиня отправилась искать ее. Летиция заперлась в спальне и, сославшись на мигрень, отказалась общаться с кем бы то ни было. До конца дня она так и не появилась.

Не вышла она и на следующее утро к завтраку. Графиня постучала в дверь ее комнаты, но ответа не дождалась. Взволнованная, она взяла запасной ключ, отперла замок и тут же лишилась чувств, поскольку Летиция лежала на полу, вцепившись руками себе в горло, и не двигалась.

Прибежавший доктор (он ночевал с полицмейстером в комнате через стенку) определил, что девушка мертва. На Летиции было вчерашнее платье, она не разделась ко сну. Все говорило о том, что смерть настигла ее еще вечером, вскоре после ужина, за которым она повела себя так непонятно.

Сказать, что все были шокированы, значит, ничего не сказать. В доме возникла сумятица, у лакеев все валилось из рук, графиня слегла с нервным припадком, Лизонька и Платон разбежались по своим комнатам и сидели, как мыши. Положение осложнялось тем, что после снежного вихря дороги сделались непролазными и не было возможности ни отвезти тело в покойницкую, ни вызвать жандармов.

В доме, как ты помнишь, находился полицмейстер, он не потерял присутствия духа и рьяно взялся за расследование. В первую очередь спросил, что думает доктор о причине смерти. Доктор выдвинул догадку, что Летицию отравили – он обосновал этот вывод, сославшись на цвет языка жертвы и ряд других косвенных признаков. Но, не имея возможности провести вскрытие, воздержался от однозначных утверждений. На него было жалко смотреть – он, безусловно, любил Летицию, и ее нежданная гибель повергла его в депрессию.

Полицмейстер опросил всех находившихся в доме и стал обладателем сведений, которые заставили его озадаченно тереть лоб.

Во-первых, Анни вспомнила о гадании и сапожке Летиции, указавшем в сторону погоста. Ее тогда удивила прыть Платона, кинувшегося поднимать обувь названной сестры. Анни могла поклясться, что Платон, подобрав сапожок, на секунду сунул в него руку. Что-то подложил? Возможно. Изучив стельку, полицеймейстер обнаружил пятнышко, похожее на засохшую кровь. Анни сказала, что Летиция, обуваясь, поморщилась, будто ее что-то кольнуло.

Платон был дерзким малым, но под напором полицеймейстера не устоял. Хулиган-недоросль, он только напускал на себя вид бесстрашного героя, но когда ему пригрозили каторгой, разнюнился и стал умолять о пощаде. Он признался, что испытывал к Летиции, мягко говоря, неприязнь, считая, что с ее появлением в доме графиня начала обделять родных детей вниманием, ведь у приемной дочери водились немаленькие деньги. Вбив это себе в голову, он принялся всячески досаждать Летиции. В тот святочный вечер он первым ринулся к ее сапожку и развернул его носком к кладбищу (хотя сапожок лежал совсем по-другому), а затем, подавая его Летиции, всунул в голенище обрезок железной стружки. На нее Летиция и напоролась.

Платон утверждал, что стружка была самая обыкновенная, взятая им в каретной мастерской. К сожалению, найти этот предмет не удалось – Летиция, конечно же, вытряхнула его из сапога и выбросила, не придав значения.

Пока полицеймейстер разбирался с Платоном, появилась вторая подозреваемая – Лизонька. Доктор не забыл, как повела себя Летиция за ужином, и заподозрил, что в куске торта, поданном ей, содержалось нечто чужеродное. Кухарка, не желая, чтобы на нее вешали всех собак, шепнула полицеймейстеру, что Лизонька вертелась у печи во время приготовления торта, чего за ней никогда прежде не водилось, а после сама же его и разрезала.

Полицеймейстер, углядев новую мишень, временно оставил Платона в покое и напрямик спросил Лизоньку, не она ли подложила Летиции яд, который та проглотила вместе с тортом. Лизонька сначала отпиралась, но полицеймейстер застрашал ее Сибирью, и она, расплакавшись, дала следующие показания. Она ненавидела Летицию, потому что влюбилась в красавца-доктора, но он воротил от нее нос. В свою очередь, Летиция, несомненно, вызывала у него пылкие чувства. Лизонька, одержимая злобой и уязвленной гордыней, характерной для девицы, едва вышедшей из отроческого возраста, пыталась хоть чем-то насолить сопернице. Летиция обладала поистине солнечной улыбкой, и Лизонька придумала подсунуть ей в торт дробинку. Расчет заключался в том, что Летиция, сломав себе зуб, перестанет улыбаться, вследствие чего потеряет изрядную долю привлекательности.

Доктор объявил, что в ходе осмотра погибшей не обнаружил поврежденных зубов. Дробинка исчезла, и заверения Лизоньки, что она замышляла отнюдь не убийство, остались голословными.

В довесок ко всему подозрение пало и на графиню. Кто-то из дворни донес полицеймейстеру, что подглядел, как она украдкой клала в коробочку утыканное иглками сердечко. Графиня, услышав обвинение, впала в забытье, и полицеймейстер взял на себя смелость обыскать ее будуар, где наткнулся на обрезки черного бархата и футлярчик с иглами, точно такими же, какие содержались в зловещем подарке.

Очнувшись, графиня отвергла все подозрения, выдвинутые на ее счет, сказала, что у нее не было повода губить сиротку, которую она приняла у себя в доме как родную. Доктор опроверг ее слова, сказав, что Летиция жаловалась ему на невыносимые условия, созданные для нее в особняке и граничившие с травлей. А полицеймейстер, как оказалось, по просьбе приятеля еще до приезда в Гатчину изучил финансовое состояние графини и доискался до вопиющих фактов. Наследство, которое должно было перейти к Летиции через год, графиня растратила давным-давно. Девушка не знала об этом. Предугадать ее реакцию на известие о том, что денег, завещанных матерью, больше нет, не взялся бы никто. И, по мнению доктора, графиня вполне могла решиться на ее устранение, чтобы избежать скандала.

Выслушав аргументы обвинителей, графиня без сил уронила голову на подушку и созналась, что в самом деле была бы рада избавиться от Летиции. Но убийство – о, нет! На такое она не способна. Она хотела всего лишь запугать падчерицу, чтобы та убралась как можно дальше. Графиня уже договорилась с владелицей пансиона в Италии, которая за умеренную плату согласилась приютить Летицию в своем заведении и свести ее с богатым кавалером. По мысли графини, осев на исторической родине и живя в достатке, Летиция не так настойчиво добивалась бы получения наследства.

Наивные надежды? Мне тоже так думается. Но графиня, очутившись в отчаянном положении, хваталась за любую соломинку.

Полицмейстер поставил рассказ под сомнение и из реестра подозреваемых в убийстве ее не исключил. День спустя дорогу расчистили, стало возможным доехать до столицы. Доктор с другом взяли кибитку, погрузили в нее Летицию и увезли, наказав оставшимся не покидать имения до прибытия жандармов. «Любая попытка к бегству, – предупредил полицмейстер, – ужесточит будущий приговор суда».

Следующие трое суток обитатели особняка провели как под дамокловым мечом. Какое там бегство! Парализованная страхом графиня не вставала с койки, а ее дети враз сделались беспомощными и не отходили от окон. Каждая проезжавшая мимо повозка заставляла их трястись – они думали, что это едет команда, отряженная для ареста. «Никогда, поверь мне, я... то есть Анни, не видела людей, настолько объятых кошмарными предчувствиями и распростившихся со свободой задолго до того, как кто-то на нее посягнул».

Когда переживания графини и ее домочадцев достигли апогея, пришло письмо, написанное рукою Летиции. У графини к тому времени отнялись ноги, а ум, что называется, зашел за разум. Она попросила, чтобы письмо вслух прочла Лизонька. Таким образом, Анни тоже ознакомилась с его содержанием.

Летиция писала, что жива-здоровая, поселилась в Петербурге, и доктор сделал ей предложение. Он – человек небедный, согласен обеспечить ее всецело, поэтому на растроченное графиней наследство она не претендует. Она удовлетворена той жутью, которую ей удалось нагнать на своих обидчиков, инсценировав собственную смерть.

Из письма следовало, что она давно посвятила доктора в свой замысел. Он отговаривал ее, считая: она преувеличивает, полагая, что в особняке ее окружают жестокие враги. Чтобы излечить ее от предубеждений, он напросился к графине в гости. Аура ненависти и постоянные каверзы, которым подвергалась Летиция, глубоко потрясли его, и он согласился ей помочь.

Она не была отравлена, но прикинулась мертвой. Это не составило труда, ибо при наличии в доме доктора никто к ней не прикоснулся и даже не приблизился. Летиция рассказала ему и полицмейстеру о тех подлостях, с которыми столкнулась в праздничные дни. Признания, сделанные слугами, только укрепили ее друзей в мысли, что семейный очаг графини представляет собой банку с пауками, где каждый готов предать и сожрать ближнего. Полицмейстер с известной ловкостью опутал сетью подозрений хозяйку имения и ее отпрысков, заставив их пережить сильнейшее душевное напряжение.

Добавлю, что полгода спустя графиня умерла от апоплексического удара. Ее дети, продав имевшееся в их распоряжении имущество, быстро растратили вырученные деньги и пошли по миру. Их дальнейшая судьба неизвестна. Думаю, не ошибусь, если скажу, что Летиция отомстила сполна.

Максимов, дослушав Аниту, поднялся и подошел к кипам бумаг, разложенных на полу.

– Я бы хотел похвалить тебя за сочинительское мастерство, но не стану. – Он порылся в бумагах, выудил из них старую газетную вырезку, прочел набранное крупным шрифтом заглавие статьи: – «Подробности драмы в Альпах». А это? – В его руке появилась страница, вырванная из журнала. – «Знаменитый профессор оказался убийцей»... Что до истории, связанной

с именем графини Войнаровской, то ее обсуждал весь Петербург. И еще я помню, что твоего первого мужа звали Диего, вы вместе бежали из Испании, но потом он умер от инфлюэнцы.

Алекс, довольный своей проницательностью, победительно глянул на Аниту. Она бесстрастно пожала плечами:

– Ну да... Эти истории я не придумала, они произошли со мной. Но суть не в этом. Признаешь ли ты, что проспорил?

Максимов упрямо мотнул головой.

– Я предупредил тебя, что к третьему случаю отнесусь со всей строгостью. Начнем с того, что преступления как такового не произошло.

– Но оно могло произойти, если бы ненавистники Летиции вправду использовали яд, – поспешно вставила Анита.

– ...и к тому же, – закончил Алекс, – зима здесь – условие совершенно необязательное.

– Необязательное? Ты имеешь в виду, что не были задействованы ни снег, ни лед? Но зима в широком понимании этого слова не сводится к одним лишь низким температурам. Святочные гадания, новогодние подарки – разве не указывают на определенное время года? – Анита нахмурилась. – Алекс, я и не знала, что ты не умеешь проигрывать!

– Я? Не умею? – Он набрал в грудь воздуха, чтобы затеять перепалку, как велело оскорбленное самолюбие, но рассудок подсказал, что лишние словопрения испортят установившийся в доме благодушный настрой. – Ладно... Ты выиграла. И чего же ты хочешь?

Он ожидал услышать все, что угодно, только не то, о чем она попросила:

– Елка в гостиной уже осыпается. Давай не будем держать ее до марта, как это всегда бывает из-за твоей лени.

Он покряхтел, подумал и выдал:

– Воля твоя. Завтра займусь... Но ты не станешь возражать, что в нашем споре я пошел на некоторые уступки? И сегодняшней вечер мы могли бы посвятить занятию куда более отрадному, чем копание в хвое и укладка елочных шаров в ящик. А?

Получасом позже Вероника приоткрыла дверь комнаты, чтобы сообщить господам, что ужин поспел и, если они изволят проследовать в столовую, она подаст его незамедлительно. Однако первый же беглый взгляд дал ей ясное представление о том, что об ужине господа вспомнят не скоро.

Стараясь не шуметь, Вероника прикрыла дверь, упорхнула обратно на кухню и налила себе барского глинтвейна. Она заслужила отдых. Ближайшие часы обещали быть томными и бесхлопотными.

Елена Логунова Фея с палочкой

– Инннннн... – донесся до меня тихий голос.

Я бы сказала – слабый, как дуновение ветра, но тот как раз за окном завывал будь здоров. Одинокая елка во дворе трясла темно-зеленой юбкой так залихватски, будто ламбаду плясала.

– Инннннн... – послышалось снова, уже чуть громче и настойчивее.

– Ин вино веритас, – пробормотала я и, с сожалением отставив на подоконник бокал с хересом, повернулась спиной к окну. – Ты проснулся, любимый?

Любимый в ответ застонал, давая понять, что вот-вот уснет вечным сном. Сообщит мне свою последнюю волю – и сразу же отправится в мир иной. Температура 37,3 – это вам не шуточки! Пора, пора готовить белые тапки сорок пятого размера.

– Инночка, подойди... – умирающий заворочался.

Не иначе, желал отойти красиво, не в позе контуженой морской звезды.

Я приблизилась к дивану, присела рядом со страдальцем и изобразила подобающую печаль, которой вовсе не чувствовала.

Я злилась. В кои-то веки мы с Денисом отправились в отпуск, да не на дачу в пригороде, а на далекое море на краю страны, и в первый же день по прибытии на место отдыха любимый свалился, подкошенный внезапной хворью!

А как хорошо все начиналось!

– Инка, пакуй чемоданы, мы едем на море! – неожиданно распорядился Денис за ужином, уложившись с этим приказом аккурат в паузу между своей основной порцией и добавкой.

Я чуть не выронила тарелку с ароматным пловом, приготовленным заботливым папулей. Он у нас знатный кулинар-любитель и кормилец всей большой семьи.

– Какое море, Денис? Зима же! – Я кивнула на окно, за которым с высоты девятого этажа открывался прекрасный вид на декабрьский Краснодар.

Картина навевала уныние: низкие тучи безостановочно сеяли мелкий занудный дождь.

– Докладываю. – Капитан Кулебякин потянулся, забрал у меня тарелку и снова заработал вилкой, отчего его доклад сделался пунктирным, как серия выстрелов. – Море – Балтийское. Место – Зеленогорск... или Светлоград? Я не запомнил. Самолет завтра. Билеты я уже взял.

– Прекрасно! – Я всплеснула освободившимися руками. – Балтийское море зимой, что может быть лучше? На загар можно не рассчитывать, купальник брать не стоит.

– Почему же? Я твердо намерен искупаться. В моем списке Балтики еще нет, – Денис вернул мне пустую тарелку и поинтересовался: – А что у нас к чаю?

– Мое бурное негодование, можешь пить с ним вприкуску! – Я бухнула на стол полную кружку и отвернулась к окну.

– Ну, Инночка, ну, солнышко! – Денис выбрался из-за стола и полез обниматься. – Я же не виноват, что у меня отпуск не летом! Мне бы и сейчас не дали, если бы не Трофимов, это вообще его затея...

– Не переводи стрелки на старшего по званию, – проворчала я, невольно расслабляясь в теплых крепких объятиях. – При чем тут Трофимов?

– А он, прикинь, покупает недвижимость в этом самом Зеленогорске или Светлограде! – оживился Кулебякин, уловив перемену в моем настроении. – Место ему знакомое, он же сам из Калининграда, но вот выбранный домик надо бы посмотреть не только на фото. А тут засада: Трофимов летом уже в отпуск сходил, и теперь его не отпускают.

– Жена его могла бы туда слетать, она же не работает, – напонила я.

– Ты его Вальку не знаешь? – Денис хмыкнул. – Она же трусиха, всего на свете боится, плюс с конкретным приветом, по-моему. Представь, строго-настрого наказала мне проверить дом на предмет присутствия там всяких потусторонних сущностей. Мол, в этом Зеленогорске или Светлограде, по слухам, аномальная зона, народ там видит разное – то НЛЮ, то нечисть. А Вальке такого и даром не надо, она бы предпочла купить квартиру в Геленджике.

– А я бы предпочла отпуск в Тае.

– А на какие шиши, малыш? – Кулебякин развел руками, и мне сразу стало зябко. – Ты же хотела, чтобы я взял новую машину? Теперь плачу по кредиту. На Тайланд денег нет. А в Светлограде этом, а может, в Зеленогорске, в нашем распоряжении бесплатно будет целый дом со всеми удобствами. У моря! В сосновом бору! Ну, красота же, согласишься?

И я, конечно, согласилась. Уж лучше провести две недели декабря в сосновом бору у моря, чем в заливаемом дождем мегаполисе.

Тем более, если в нашем распоряжении будет целый дом, а не стандартная «двушка» на троих с собакой. В башне, где прямо под нами живут мои родители и бабушка, а тремя этажами ниже – брат с женой, моей подругой, и их ребенком раннего пешеходного возраста.

Семейство у нас, надо признать, дружное, но иногда очень хочется от него немного дистанцироваться. А от Краснодара до Калининграда – пара тысяч километров, вполне подходящее расстояние.

Прилетели мы на Балтику, и что?

В первый же день, едва успев занести в дом чемоданы, Денис помчался к морю, чтобы в нем искупаться. Это у него традиция такая – плескаться во всех подходящих водоемах, встречающихся на жизненном пути, невзирая на время года. Он принимал морские ванны в феврале в Сочи, в марте в Ницце, в декабре в Фамагусте и твердо намеревался пополнить свой список подвигов на Балтике.

Ан нет! Не вышел каменный цветок!

– А где вода? – с комическим недоумением спросил мой герой, оглядев серую твердь, теряющуюся в сизой туманной дали.

Воды не было. Вместо нее у берега слабо шевелилась полоса густого ледяного крошева.

Но бравого капитана Кулебякина это, разумеется, не остановило, он таки полез искать воду и в итоге нашел ее, провалившись в ледяное месиво прямо в одежде и обуви. Обратного бежал по пояс мокрый, стуча зубами и выплевывая нехорошие слова. А дома, понятное дело, слег.

– Инннннн...

Я наклонилась, чтобы расслышать страдальческий шепот.

– Я знаю, что мне поможет, – прохрипел Кулебякин.

– Папин ремень! – вырвалось у меня.

У моего папы, бывшего кадрового военного, есть прекрасный кожаный ремень с крепкой пряжкой. Помнится, один его вид очень, очень помогал нам с братцем Зямой. В веселом детстве, бывало, только посмотришь, как папа с намеком взвешивает в руке этот армейский аксессуар, и мигом выздоравливаешь душой и телом!

– Папин, да. – Денис услышал только первое слово. – Свари глинтвейна, а? Только точно по рецепту Бориса Акимовича.

– Кулебякин, ты в своем уме? – возмутилась я.

И тут же себя осадила: что я спрашиваю, в каком уме, откуда бы ему взяться?

Мужчины – они порой как малые несмышленные дети. Особенно это, как ни странно, касается мужчин героических профессий. Чем сильнее и крепче мужик, тем скорее он растекается в лужицу, столкнувшись с тем, что казалось ему невозможным – физическим недомоганием. Я это по своему папе-полковнику знаю: стоит только ему увидеть, что столбик термо-

метра переполз за 37, он ложится помирать. На 37,2 костенеющими пальцами ищет ручку и бумагу – писать завещание, на 37,5 прощается с родными и близкими.

И Кулебякин такой же. С той разницей, что он при температуре 37,3 еще и бредить начинает.

– Какой тебе глинтвейн?! Теплый чай с малиной, вода с лимоном, молоко с медом на ночь – и все, даже парацетамол дают только при температуре выше 38!

– Парацетамол не надо, – согласился Денис. – И молока тоже, не люблю я его, особенно с пенкой. Свари глинтвейн, Индюш, ну, пожалуйста! Вот увидишь, это меня сразу поставит на ноги!

Я задумалась. Эффект плацебо никто не отменял. Если больной убежден, что глинтвейн его вылечит, возможно, так и будет. А мне разве трудно сварить кастрюльку вкусного зимнего пойла?

– Но обязательно по рецепту Бориса Акимовича, – уяснив, что я практически согласилась, уточнил Кулебякин и успокоенно откинулся на подушку.

А через минуту засопел, погрузившись в сладкий – судя по легкой улыбке – сон!

– Вот что предвкушение глинтвейна животворящего делает, – уважительно пробормотала я и тихо, чтобы не скрипнули сначала диванные пружины, а потом половицы, встала и вышла из комнаты.

– Мой рецепт глинтвейна? Пожалуйста. – Папуля нисколько не удивился ни звонку, ни вопросу. – Возьми кастрюльку, смешай в ней палочки корицы, горошины перца, бадьян, гвоздику, нарезанный имбирь и мед. Потом залей эту пряную смесь клюквенным соком...

– Так, все понятно. – Я внимательно выслушала папулю, но не стала за ним записывать.

Как и следовало ожидать, фирменный рецепт родного кулинара-изобретателя мне не подходил. Половины нужных ингредиентов я в нашем сосновом бору днем с огнем не найду.

Но у меня был херес и цитрусовые – бутылку вина и вазу с апельсинами и лимонами хозяйка оставила на столе в кухне как приветственный подарок. Плюс в доме имелся погреб, в нем я уже нашла малиновое варенье, клюквенный соус и мед. Черный перец горошком видела в кухонном шкафчике, гвоздикой, бадьяном и имбирем сочла возможным пренебречь – не такой уж Кулебякин гурман, авось деталей и тонкостей не заметит.

Корица! Вот в чем я видела проблему.

Папуля подает глинтвейн в низкой глиняной кружке, из которой на манер коктейльной трубочки торчит палочка корицы. Боюсь, в отсутствие этой приметной детали Денис подделку разоблачит.

Блин! Где взять палочки корицы?!

Я похлопала дверцами шкафчиков, погремела ящиками, но искомым коричневым палочкам не нашла. Оставалось надеяться, что они есть в продаже в магазинчике, мимо которого мы проезжали на такси, направляясь к дому. Кажется, это торговое заведение где-то недалеко. Надеюсь, в шестом часу вечера оно еще работает.

Я заглянула к Денису – предупредить его, что ненадолго отлучусь, но пациент мирно спал, и я не стала его будить.

Оделась, утеплившись по здешней погоде, и тихо вышла из дома.

Уже стемнело, с невидимого неба скудно сыпалось нечто снегообразное – не снежинки, не крупинки, а мелкий белый порошок. Условный двор – забора как такового не было, его роль исполняли низкие кусты – выглядел так, словно там кто-то хорошенько потряс густо вымазанные мелом тряпки или мешки из-под муки.

Образовавшееся подобие тумана ухудшило видимость, и я не рискнула идти напрямик сквозь лес, побоявшись не найти тропинку. Двинулась по дороге, которая тянулась буквой Г – получилось дольше, зато я безошибочно пришла к магазину.

Корица там была, но не настоящая: порошок кассии. Я все-таки взяла два пакетика, решив: поддельная корица лучше, чем ничего, и поспешила восвояси. Кулебякин, если проснется и не увидит меня рядом, отправится на поиски, нарушив постельный режим.

Пока я делала покупки, снежная мука с неба сыпаться перестала, видимость улучшилась, и я прямо с порога магазина высмотрела тропинку, ведущую к нашему с Денисом временному жилищу.

Она была почти прямая, хорошо утоптанная, только немного скользкая из-за белого порошка. Опасаясь грохнуться и покатиться, как по бобслейному желобу, я шла осторожно, внимательно глядя под ноги.

И вскоре увидела его.

Чей-то след.

Точнее, отпечаток ноги сто какого-то размера!

Реально, не привираю, – стопа у прогулявшегося по тропке была как минимум полуметровая!

Тихо ойкнув, я огляделась, никого вокруг не увидела и опасливо склонилась над отпечатком, рассматривая его недоверчиво и с нарастающим страхом.

Ладно бы след оставила просто большая нога. Как-то я листала Книгу рекордов Гиннеса и запомнила, что туда занесен какой-то парень с семьдесят четвертым размером стопы. И у баскетболистов ноги бывают будь здоров, и клоуны в цирке носят башмаки, сопоставимые с небольшими лодками.

Но в том-то и дело, что в данном случае отметилась не просто большая, а еще и босая нога!

Это ж каким клоуном надо быть, чтобы по пороше босиком гулять?!

Продолжая присматриваться к тропинке, согбенная, как старушка-горбунья, я прошла несколько метров, насчитав на этой короткой дистанции с десятков следов.

Потом разогнувшись, снова оглядевшись, вынула из кармана мобильный и сделала его камерой несколько снимков. Сфотографировала наиболее четкий отпечаток в разных ракурсах: строго сверху, сбоку, с соснами на затуманенном заднем плане и со своей собственной ногой в зимнем ботинке в кадре для масштаба.

Потом мне подумалось, что обладатель суперноги вполне может пожелать прогуляться в обратном направлении, а встречаться с ним лоб в лоб на узкой тропинке мне не хотелось.

Хотя какое там «лоб в лоб» – я, наверное, макушкой ему по пояс буду! Помнится, в Книге рекордов Гиннеса было написано, что у парня с рекордной стопой № 74 рост за двести семьдесят см. Каких же габаритов должен быть незнакомец с ножкой сотого размера?!

Мне совершенно не хотелось знакомиться с чокнутым босоногим гигантом, поэтому я свернула с тропинки и по пружинящему хвойному ковру просквозила под соснами напрямик к дому.

Уже поднявшись на крыльцо, я краем глаза заметила какое-то движение. Резко оглянулась – ах, нет, это просто снова елка затряслась. Вероятно, в порыве ветра.

Странно, а сосны спокойно стоят. Хотя у них-то ветки наверху, может, ветер туда не задувает, исключительно низом идет...

Я проехала уважительным взглядом по высоченному стволу ближайшей мачтовой сосны, и тут меня осенило!

Корица ведь почему так называется? По сути она является корой. Пусть в магазине не нашлось коричных палочек! У меня тут целые километры прекрасной коры – знай, отдирай со стволов и в трубочки скручивай!

Спрыгнув с крыльца, я коршуном налетела на ближайшую сосну и попыталась добыть с ее ствола подходящий кусок коры. Не вышло – она на дереве держалась крепко. Зато под ногами я нашла несколько превосходных красно-коричневых пластинок. Они, правда, упорно не желали

сворачиваться в трубочки, но я решила, что уж этим можно и пренебречь. Макароны изделия самой разной формы бывают – трубочки, бабочки, пластинки, полоски – и все они прекрасно годятся для пасты. Чем кора хуже? Долой дискриминацию!

Очень довольная своей находчивостью, я вернулась в дом и из того, что было, сварила превосходный глнтвейн. Правда, очень вкусный – я сама его вдумчиво продегустировала, прежде чем Кулебякина поить. Кору только пробовать не стала, оставила эту честь Денису.

Любимый еще спал, но, учуяв соблазнительный аромат, пошевелил носом и сел на диване.

– Фирменный глнтвейн «по-кузнецовски»! – возвестила я, подруливая к ложу больного с кружкой на подносе.

Не стала врать, что по рецепту папули, хитроумно поиграла словами. Я тоже Кузнецова, имею право назвать своим именем изобретенный кулинарный шедевр.

– А это?.. – Любимый с сомнением посмотрел на задорно торчащую из бордовой жижи пластинку коры.

– Коричная палочка, – соврала я. – Просто развернулась.

Доверчивый опер залпом выпил мой фирменный глнтвейн, занюхал его сосновой корой и, из-за насморка не уловив разницы в аромате, удовлетворенно выдохнул:

– Ну, теперь точно к утру буду как новенький!

После чего отдал мне кружку (и кору), повернулся на бочок, сунул сложенные корабликом ладони под голову и засопел.

Оставив меня один на один с неведомым монстром!

Хотя я ведь про монстра ему ничего не сказала. Решила, что ночь как-нибудь продержусь, а у к утру у меня будет здоровый и крепкий защитник.

Но моральной поддержки все же хотелось прямо сейчас, и я позвонила тому, вернее, той, кто могла мне ее оказать.

Лучшая подруга, она же супруга моего родного брата и мать единственного племянника, взяла трубку после седьмого гудка.

– Не спишь? – спросила я.

– Не сплю, – согласилась она.

– А как там мой любимый племянник? – Я уже знаю, что беседу с ней лучше начинать с вопроса о малыше. Молодая мать сразу делается разговорчивой.

– Вот он как раз спит, – ответила Трошкина, ожидаемо оживляясь. – И твой любимый брат, к слову сказать, тоже. А меня ты разбудила, но я сама виновата, не надо было засыпать ухом на телефоне.

– Ты и Зяма спите в семь часов вечера? – удивилась я.

– Я и Зяма спим тогда же, когда и мелкий! Тебе еще предстоит это узнать, но я предупрежу: главная спортивная дисциплина для молодых родителей – синхронный сон! – Алкин голос сделался язвительным.

Мне стало совестно: вот кого нужно было отправить в отпуск на другой конец страны – сонную синхронистку Трошкину.

– А у тебя там что? – Она зевнула и извинилась: – Пардон.

– А у меня тут что-то странное.

Я рассказала Алке о шокирующей находке на тропинке и, чтобы не быть голословной, отправила ей фотографии.

– Да, это впечатляет, – посмотрев снимки, согласилась Трошкина. – Какой-то очень крупный ивановец...

– Кто? – не поняла я.

– Ивановец! Ну, последователь некогда очень популярного учения Порфирия Иванова. Ты разве не помнишь, я тоже как-то его практиковала?

– Ходила босиком и голодала? – припомнила я. – Еще здоровалась со всеми подряд, а бабушки во дворе сочли, что ты, бедняжка, в уме повредила?

– Сами они повредились! – огрызнулась Трошкина. – Хороший метод оздоровления, и, кстати, недурной способ экономить. Убежденные ивановцы ни теплой одежды не покупают, ни обуви, такая расходная строка бюджета вычеркивается...

– То есть этот босоногий мальчик, возможно, еще и без одежды тут гуляет? – Я несколько напряглась.

Точно знаю, Кулебякину не понравится, что вблизи от нашего любовного гнездышка расхаживает нудист особо крупных размеров.

– Ты сказала – мальчик? А это еще одна версия! – обрадовалась Трошкина. – Ты обратила внимание, какая у него стопа?

– Огромная!

– И плоская! Намочи ногу, оставь на полу след и посмотри, какой он у нормальных людей – изогнутый, с отчетливо круглой пяткой и выемкой на месте подъема.

– Погоди-ка!

Я безотлагательно провела следственный эксперимент, только ногу мочить не стала. Просто присыпала плитку пола мукой и поместила на нее свою босую стопу, подтвердив:

– Ты права! У меня получился именно такой отпечаток. А на тропинке другая картина была, там след широкий, без сужения под сводом стопы. Как от ластов для плавания! Но что это нам дает?

– А ты знаешь, что для младенцев и маленьких детей абсолютно нормальными являются плоские стопы? – Молодая мать мигом оседлала любимого конька.

– Трошкина! Версия о том, что в зимнем сосновом бору бегает четырехметровый младенец, не выдерживает никакой критики!

– Это почему же? В скандинавском эпосе существовали великаны...

– Тогда придется допустить, что где-то рядом бродят его десятиметровые родители!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.